

1. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СЕБЕ (СВОЕОБРАЗИЕ)

У врат нового мира стоит «богочеловек». Рассыплется ли в прах в конце этой эпохи Бог в богочеловеке, и может ли действительно умереть богочеловек, если умрет в нем только Бог?

Над этим вопросом не задумывались и считали, что покончили с ним, проведя победоносно до конца работу просвещения — преодоления Бога, не заметив, однако, того, что человек убил Бога, чтобы стать отныне «единым Богом на небесах». Потустороннее вне нас уничтожено, и великий подвиг просветителей исполнен, но потустороннее в нас стало новым небом, и оно призывает нас к новому сокрушению его: Бог должен был уйти с дороги, не нам уступил он путь, а Человеку. Как можете вы верить, что мертв богочеловек, пока не умрет в нем, кроме Бога, также и человек?

1. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СЕБЕ (СВОЕОБРАЗИЕ)

«Разве дух не жаждет свободы?» Ах, не только один мой дух, но и тело мое ежечасно жаждет ее! Когда до моего обоняния доносятся из дворцовой кухни аппетитные запахи вкусных блюд, то рот мой, съедая свой сухой хлеб, ощущает это как мучительное лишение; когда глаза мои говорят натруженной спине о мягких пуховиках, на которых приятнее лежать, чем на смятой соломе, то мною овладевает затаенная ярость. Когда... Но не будем продолжать об этих страданиях. И это ты называешь томлением по свободе? От чего же ты хочешь освободиться? От куска черного хлеба и соломенного ложа? Выброси их! Но, кажется, не это тебе нужно; ты ведь хочешь, напротив, свободно наслаждаться роскошными яствами и пуховой постелью. Так люди, что ли, должны дать тебе эту «свободу»? Нужно, что ли, чтобы они это тебе дозволили? Этого ты ведь не ожидаешь от их человеколюбия, так как знаешь, что все они думают, как ты: всякому своя рубаха ближе к телу! Как же ты думаешь вкушать те яства и возлежать на той постели? Разумеется, не иначе как приобрета их в свою собственность!

Ведь если хорошенько подумать, ты хочешь не свободы обладания всеми этими благами - ибо свобода обладания еще не дает их на самом деле — ты хочешь их фактически иметь, хочешь называть их своими и владеть ими как своей собственностью. На что тебе какая-нибудь свобода, если она ничего не дает? И если бы ты стал свободным от всего, то этим самым ничего бы более не имел, так как свобода не имеет содержания. Кто не умеет ею пользоваться, для того она, это бесполезное разрешение, не имеет никакой ценности, а то, как я пользуюсь свободой, зависит от особенности моего «я».

Я не имею ничего против свободы, но я желаю тебе большего, чем свободы. Недостаточно быть только свободным от того, чего не желаешь, нужно еще иметь то, чего желаешь, нужно быть не только «свободным», но и «собственником».

Быть свободным — от чего? Много есть, конечно, такого, что следует стряхнуть с себя. Иго крепостной зависимости, неограниченную власть над собой, иго аристократии и князей, господство страстей и похотей, да даже власть собственной воли, своеволия, ибо совершеннейшее самоотрицание тоже сводится именно к свободе, к свободе от самоопределения, от собственного «я», и стремление к свободе как к чему-то абсолютному, за что стоит заплатить какую угодно цену, лишило нас нашего своеобразия; оно создало самоотречение, самоотрицание. Но чем свободнее я становлюсь, тем более нагромождается надо мной насилия, тем я себя чувствую бессильнее. Несвободный дикарь не чувствует тех рамок, которые сдвигают культурного человека: он считает себя свободнее последнего. По мере того как я отвоевываю себе все больше и больше свободы, я создаю себе новые и новые задачи. Я изобрел железные дороги и снова чувствую свою слабость, так как не могу, подобно птице, нестись по воздуху, и если я наконец разрешил задачу, которая смущала мой дух своей неразрешимостью, то меня уже ожидает бесчисленное множество других, загадочность которых задерживает мое развитие, затемняет мой свободный взор, и мне больно ощущать границы моей свободы. «Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности»* (Послание к Римлянам, 6, 18). Разве республиканцы в своей широкой свободе не становятся рабами закона? Как стремились во все времена истинные христианские сердца «стать свободными», как жаждали они освобождения от «уз бранный жизни», они обращались взорами к обетованной стране свободы. «А вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам»** (Послание к Галатам, 4, 26).

Быть свободным от чего-нибудь - значит только избавиться или не иметь чего-либо «Он свободен от головной боли» значит: он избавился от нее. «Он свободен от этого предрассудка» значит: он никогда не имел его или избавился от него. Мы осуществляем ту свободу, которой учит христианство лишь в отрицательном, в отсеченном, в ^згрешности, ^збожии, без- нравственности и т. д.

Свобода составляет главное учение христианства. «Как свободные...»*** (Первое послание Петра, 2, 16). «Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы»**** (Послание Иакова, 2, 12).

Неужели мы должны отказаться от свободы потому, что она оказывается идеалом христианства? Нет, ничто не должно быть утрачено — и свобода тоже должна остаться, но ее нужно сделать нашей, а в форме свободы она не наша.

Какое различие между свободой и своеобразием! От многого можно избавиться, но все же не от всего, от многого можно освободиться, но не от всего. Внутренне можно даже в рабстве быть свободным, но опять-таки свободным кое от чего, а не от всего: от плети, от властной прихоти господина раб не может быть свободным. «Свобода живет только в царстве грез! » Напротив, своеобразие - это все мое существо и все мое бытие,— это я сам. Свободен я от того, от чего избавился, собственник же я того, что в моей власти, над чем я властвую.

Собственник себя самого я во всякое время и при всех условиях, если только я умею быть — только своей собственностью и не отдаю себя ни за грош другим. Я не могу действительно хотеть быть свободным, так как не могу создать своей свободы: я могу только желать свободы, стремиться к ней, ибо она остается все-таки идеалом, призраком. Оковы действительности каждый миг врезаются в мое тело острыми рубцами. Но своим собственным я всегда остаюсь. Принадлежа, как крепостной, своему повелителю, я все же думаю только о себе и о своей пользе. Правда, его удары попадают в меня: я не свободен от них, но я переношу их только для своей выгоды или для того, чтобы обмануть его моим кажущимся терпением, или чтобы своим противодействием не навлечь на себя еще худшее. Но так как я ни на минуту не забываю себя и свою пользу, то я пользуюсь первым удобным случаем, чтобы раздавить рабовладельца. То, что я потом сделаюсь свободным от его плети,— это только следствие моего предшествовавшего эгоизма. Может быть, скажут, что я и в состоянии рабства был «свободен», именно - «в себе», или «внутренне».

Однако «быть свободным в себе» не значит быть «действительно свободным»: «внутренняя свобода» не «внешняя». Зато собственным, себе принадлежащим, я был вполне внутренне и внешне.

Находясь во власти жестокого повелителя, тело мое не «свободно» от пыток и ударов плети, но кости мои — стонущие от пытки, тело мое — вздрагивающее от ударов, и я кричу потому, что мое тело кричит. То, что я испускаю стоны и дрожу, доказывает, что я еще свой, что я еще принадлежу себе. Моя нога не «свободна» от ударов повелителя, но это моя нога, и она от меня неотделима. Пусть он оторвет ее и посмотрит — имеет ли он еще мою ногу! Ничего не останется у него в руке, кроме трупа моей ноги, который столь же мало моя нога, как мертвая собака еще собака: у собаки бьется сердце, а у мертвой собаки не бьется, и потому она не собака.

Когда говорят, что раб все же может быть внутренне свободным, это, в сущности неопровержимый и ничего не выражающий трюизм. Кто же станет утверждать, что какой бы то ни было человек лишен всякой свободы?

Если я льстец, то разве я не могу быть в то же время свободен от бесчисленного множества других несвобод, например от веры в Зевса, от жажды славы и т. п.? Почему же наказанный плетью раб не мог бы в то же время быть внутренне свободным от нехристианского образа мыслей, от ненависти к врагам и т. д. Тогда он именно «христиански свободен», то есть избавился от нехристианского, но разве он абсолютно свободен, свободен от всего, например от христианского безумия или от физической боли?

Но все это как будто бы сказано больше против самого слова, чем против понятия, в нем заключенного. Но разве слово безразлично, разве слова, лозунги не вдохновляли, не одурманивали людей?

Все же, однако, между свободой и принадлежностью самому себе — большая пропасть, чем только различие в словах.

Весь мир жаждет свободы, все мечтают о царстве свободы.

О, дивная мечта о цветущем «царстве свободы», о «свободном человечестве»! Кто не лелеял ее! Итак, мечта заключается в том, чтобы люди стали свободными, совершенно свободными от всякого притеснения, насилия. От всякого насилия, действительно от всякого? Значит, так, чтобы они даже над самими собой не совершали насилия? «Нет, над самим собой можно, но ведь это не насилие!» Ну, так все-таки они должны стать свободными от религиозной веры, от строгости нравственного долга, от неумолимости Закона, от: «Какое ужасное недоразумение!» Так от чего же должны они стать свободными, от чего — нет?

Обаятельная греза рассеялась, проснувшись, протирают полуоткрытые глаза и с изумлением смотрят на вопрошающего. «От чего человек должен стать свободным?» — «От слепой веры», — кричит один. — «Ах, что там, — восклицает другой, — всякая вера слепа: нужно освободиться от веры вообще». - «Нет, нет, Боже сохрани, — раздражается опять первый, — не отказывайтесь от всякой веры, не то всеми овладеет власть зверства». — «Нам необходима, — изрекает третий, — республика, необходимо избавиться от всяких повелителей».

«Это ни к чему, — говорит второй, — явится только еще один повелитель — «правлящее большинство», нам важнее всего освободиться от самого ужасного — от неравенства». — «О, злополучное равенство, опять я слышу твой плебейский рев! Только что у меня еще были прекрасные мечты о рае свободы, и вот опять поднимают свой дикий вой наглость и разнузданность!» — так жалуется первый и готовится поднять меч против «чрезмерной свободы». Вскоре мы уже слышим, как звенят мечи несогласных мечтателей о свободе.

Стремление к свободе во все времена сводилось к желанию определенной свободы, например, свободы совести: это значило, что верующий человек хотел стать свободным и независимым. Независимым — от чего? От веры, что ли? Нет! Он хотел стать свободным лишь от инквизиторов. Точно так же обстоит дело с «политической и гражданской» свободой. Гражданин хочет быть свободным не от гражданства, а от бюрократического или монархического произвола и т. п. Князь Меттерних" как-то сказал, что нашел путь, который приведет всегда к настоящей свободе. Граф де Прованс [50], бежавший из Франции как раз в то время, когда там собирались основывать «царство свободы», сказал: «Мое заключение стало для меня невыносимым, у меня была только одна страстная мечта — жажда свободы, и я думал только о ней».

Погоня за определенной свободой всегда заключает в себе желание нового господства. Например, революция, хотя и «могла дать своим защитникам возвышающее сознание, что они боролись за свободу», но только потому, что тогда стремились к определенной свободе, и тем самым — к новому господству, «господству закона».

Все вы хотите свободы, свободы «в себе». Почему же вы торгуетесь о «больше» или «меньше»? Свободой в себе может быть только вся свобода. Кусок свободы не есть Свобода. Вы отчаиваетесь в возможности достигнуть полной свободы, свободы от всего, вы даже считаете безумием желать этого. В таком случае откажитесь от погони за призраком и направьте ваши силы на что-либо лучшее, чем на стремление к недостижимому.

«Но нет ничего лучше свободы».

«Что же вы будете иметь, если достигнете свободы, то есть — о ваших крохах свободы я даже говорить не хочу — полной свободы? Вы будете избавлены от всего, всего, что вас стесняет, и едва ли есть что-либо, что когда-нибудь в жизни не стесняло вас. И ради кого хотите вы избавиться от всего этого? Все же — ради самих себя, так как оно стоит у вас на пути! Если бы что-либо не было вам неудобно, а, наоборот, было бы очень приятно, например, мягкий, но все же неотразимо властный взгляд вашей возлюбленной, то вы бы не пожелали избавиться, стать от него свободным. Почему же? Опять-таки ради самих себя! Итак, вы берете самих себя мерой и судьей всего. Вы охотно отказываетесь от свободы, если несвобода — «сладости любви» — доставляет вам удовольствие, но вы снова при случае начнете домогаться свободы, когда она вам покажется более желательной и приятной, если вы, конечно, не побоитесь расторгнуть союз по каким-либо иным причинам, например, религиозным.

Почему же не имеете вы смелости действительно сделать себя единственным средоточием и центром всего? Почему вы только вздыхаете по свободе, по мечте вашей? Разве вы — ваша мечта? Не вопрошайте ваши грезы, ваши представления, ваши мысли, ибо все это — «пустая теория». Спрашивайте себя и спрашивайте о себе — это практично, а вы ведь очень хотите быть «практичными». Но вот один прислушивается к тому, что на это скажет его Бог (понятно, что то, о чем он думает при имени Бога, и есть его Бог), другой спрашивается, что говорит об этом его нравственное чувство, его совесть, а третий думает о том, что скажут об этом люди, и, таким образом, каждый, посоветовавшись со своим господом-богом (а общество людей — такой же, и даже еще более осязательный, господь-бог, чем потусторонний, воображаемый бог, ибо «глас народа есть глас Божий»), начинает подчиняться воле своего владыки и перестает прислушиваться к тому, что он сказал бы и решил бы сам.

Обращайтесь же лучше к себе, чем к своим богам и кумирам. Выявляйте то, что в вас заложено, открывайте себя.

Как действовать по собственному побуждению, не спрашиваясь никого и ничего, это показали христиане своим представлением о Боге. Он поступает как ему угодно. А от глупого человека, который мог бы точно так же поступать, требуют, чтобы он делал то, «что Богу угодно». Если говорят, что Бог действует по вечным законам, то это подходит также ко мне, ибо я тоже не могу высвободиться из своего естества и обретаю мой закон в моей природе, в себе самом.

Но достаточно только напомнить вам о себе, чтобы повергнуть вас в отчаяние. «Что-такое?» — спрашивает себя каждый из вас. Бездна беспорядочных и незаконных влечений, похотей, желаний, страстей, хаос без света и путеводной звезды!.. Как могу я, не слушая Божиих велений, не внимая нравственному долгу и голосу разума, признавшего после горьких испытаний законом все лучшее и разумнейшее, как могу я, вопрошая только себя, получить правильный ответ? Моя страсть как раз посоветовала бы мне самое бессмысленное. Таким образом, всякий считает себя дьяволом. Ибо если бы он считал себя, поскольку он равнодушен к религии и т. д., зверем, то он легко бы понял, что зверь, следующий только своему инстинкту (как бы своему советчику), вовсе не идет к «самому бессмысленному», а, наоборот, предпринимает очень правильные шаги. Однако привычка

религиозного образа мышления так овладела нашим умом, что мы пугаемся своей наготы и естественности. Она (то есть привычка) так нас унизила, что мы считаем себя во власти первородного греха, рожденными бесами. Конечно, вы сейчас же заявляете, что призвание творит «добро», поступать нравственно — справедливо. Как может — если вы спросите себя, что делать — раздаться из вас голос, указующий путь добра, справедливости, истины? Как могут быть согласны Бог и Дьявол?

Но что бы вы подумали, если бы вам кто-нибудь возразил: то, что надо повиноваться Богу, совести, долгу, закону и т. д., — это лишь увертки, которыми вам набили голову и сердце и свели вас с ума? И что если бы он вас спросил, откуда вы так уверенно знаете, что голос природы лишь злой обольститель? Если бы к тому же он вам посоветовал повернуть дело и счесть как раз голоса Бога и совести дьявольским порождением? Такие безбожные люди бывают; как вы справитесь с ними? Вы не можете сослаться на ваших попов, родителей и хороших людей, так как их-то они и называют вашими обольстителями, истинными развратителями юности, усердно сеющими сорную траву самопрезрения и благочестия, загрязняющими молодые сердца и доводящими молодые головы до отупения.

Они продолжают свое и спрашивают: чего ради печетесь вы о велениях — Господних и иных? Ведь вы не станете утверждать, что это совершается из желания угодить Богу? Нет, вы делаете это ради себя самих. Следовательно, и здесь главное дело — вы; поэтому каждый должен сказать себе: я для себя — все, и я делаю все ради себя. Если бы вам когда-нибудь стало ясно, что Бог, заповеди и т. д. только вредят, что они вас ограничивают и губят, то вы, наверное, отказались бы от них, как некогда христиане отвергли Аполлона [51], Минерву [52] или языческую мораль. Правда, на их место они поставили Христа, а затем Марию и христианскую мораль, но они опять-таки сделали это ради спасения души своей, следовательно, из эгоизма или своеобразия.

И только посредством этого эгоизма, этого своеобразия избавились они от старого мира богов и стали свободны от них. Своеобразие создало новую свободу, ибо своеобразие - создатель всего, как уже издавна гениальность (определенная особенность), которая всегда тождественна оригинальности, считается созидательницей новых творений, имеющих мировое значение.

Но если вы все-таки решились добиваться «свободы», то постарайтесь хотя исчерпать ее требования. Кто должен стать свободным? Ты, я, мы. От чего свободным? От всего, что не есть ты, я, мы. Следовательно, я — то зерно, которое должно быть освобождено от всех оболочек, от всякой стесняющей скорлупы. Что же остается, если я освобожусь от всего, что не есть я? Только я и ничего другого, кроме меня. Самому же этому я свобода ничего не может дать. О том, что должно случиться после того, как я стану свободен, — об этом свобода упорно молчит, подобно тому, как наши правительства отпускают на свободу заключенного после отбытия срока заключения и выталкивают его в одиночество.

Если свободы добиваются ради своего «я», то почему же само это Я не избрать началом, серединой и концом всего? Разве Я не важнее свободы? Разве не Я делаю себя свободным, разве Я не начало, не главнейшее? Даже будучи несвободным, даже скованный по рукам и ногам тысячью оков, я все же существую и существую не только в будущем и в уповании,

подобно свободе, и как последний раб — я все же нечто уже существующее.

Обдумайте это и решите, хотите ли вы поставить на вашем знамени «мечту свободы» или решительное требование «эгоизма», «самобытности». «Свобода» вызывает в вас раздражение против всего, что не вы. «Эгоизм» зовет вас к радости, довольству самим собой, к наслаждению самим собой; «свобода» и в настоящем, и в ожидании — только томление, романтическая жалоба, христианская надежда на потусторонность и будущее, а «своеобразие» - действительность, которая сама собою устраняет всякую неволю, преграждающую вам путь. От всего, что вам не мешает, вы не пожелаете отречься, а, встретив какое-либо препятствие, вы будете знать, что должны «слушаться самих себя более, чем людей».

Свобода только говорит: освободитесь, избавьтесь от всякого гнета, но она не показывает вам, кто вы такие. «Долой, долой!» — таков лозунг свободы, а вы, жадно внимая ее призыву, в конце концов избавляетесь от самих себя, «отрекаетесь от самих себя». Своеобразие же, наоборот, зовет вас назад, к себе самим; оно говорит: «Приди в себя!» Под эгидой свободы вы избавляетесь от многого, но зато вас начинает угнетать что-нибудь другое; «от злого вы избавились, но злое в вас осталось». Как люди своеобразные, вы действительно освобождаетесь и избавляетесь от всего, а что в вас остается, то вами же самими принято, по вашему выбору и желанию. Своеобразный человек - свободный по природе, «изначально свободный», свободный же, наоборот, - только стремится к свободе, он - мечтатель и фантазер. «Своеобразный» изначально свободен, так как он ничего не признает, кроме себя, ему не нужно сначала освободить себя, так как он с самого начала отвергает все, за исключением себя, так как он выше всего ценит, выше всего ставит себя, короче, так как он исходит от себя и «к себе приходит». Даже еще в тисках детской почтительности он все-таки уже пытается «освободить» себя от этого гнета. Своеобразие действует даже в маленьком эгоисте и доставляет ему желанное — свободу.

Тысячелетия культуры затмили от вас вас самих, вселяя в вас веру, что вы не эгоисты, а призваны быть идеалистами («хорошими людьми»). Стряхните это с себя! Не ищите свободы, лишаящей вас себя самих, в «самоотречении» ищите себя самих, станьте эгоистами, пусть каждый из вас станет всемогущим Я. Или, яснее: познайте снова себя, узнайте только, что вы действительно такое, откажитесь от ваших лицемерных стремлений, от глупого желания быть чем-либо иным, чем вы есть. Лицемерием же я это называю оттого, что вы все эти тысячелетия оставались эгоистами, только сидящими, обманывающими себя самих, сумасшедшими эгоистами — вы, самоистязатели, мучители самих себя. Еще ни разу ни одна религия не решалась обойтись без обещаний и «обетований» и ссылалась на «этот» или «тот» мир, на «вечную жизнь» и т. д., ибо человек жаждет награды и «даром» ничего не делает. А проповедь «добра во имя добра», без ожидания награды? Но разве и тут получаемое при этом удовлетворение не включает в себе достаточной награды?.. Следовательно, и религия основана на нашем эгоизме и эксплуатирует его: рассчитанная на наши похоти, она заглушает многие другие ради одной. Этим создается обманутый эгоизм, при котором я удовлетворяю не себя, а какое-нибудь из моих влечений, например, стремление к блаженству. Религия обещает мне «высшее благо», для достижения его я пренебрегаю всеми моими другими влечениями и не удовлетворяю их. Все ваши поступки и действия — затаенный, скрытый и замаскированный эгоизм. Но так как это — эгоизм,

который вы не хотите признать, который вы тщательно скрываете, следовательно, не открытый и откровенный эгоизм, а бессознательный эгоизм, то это — не эгоизм, а рабство, служение, самоотрицание; вы — эгоисты, и в то же время, отрицая эгоизм, вы не эгоисты. Там, где вы кажетесь, по-видимому, отъявленными эгоистами, вы даже к самому слову «эгоист» относитесь с презрением и отвращением.

Свою свободу относительно мира я обеспечиваю себе тем, что присваиваю себе этот мир, «захватываю и занимаю» его для себя, каким бы то ни было насилием, силой убеждения, просьбы, категорического требования, даже лицемерия, обмана и т. д., ибо средства, которыми я для этого пользуюсь, соотносятся с тем, что я собою представляю. Если я слаб, то и средства, которыми я располагаю, тоже слабы, как все названные, которые, однако, вполне достаточны по отношению к довольно многому в жизни. К тому же обман, лицемерие и ложь, в сущности, лучше, чем они кажутся. Кто не обманул бы полицию, закон, кто не поспешил бы прикинуться невиннейшим обывателем при встрече с сыщиком, чтобы скрыть содеянное беззаконие? Кто этого никогда не делал, тот, значит, допускал насилие над собою; его сделала малодушной его совесть. Мою свободу ограничивает уже то, что я не могу осуществить волю свою относительно другого (будь это другое — существо безвольное, например, камень, или существо, одаренное волей, например, правительство, отдельный человек и т. д.). Я отрицаю мое своеобразие, когда отрекаюсь от себя перед лицом другого, то есть когда я уступаю, отказываюсь от чего-либо, отхожу. Мое своеобразие, следовательно, уничтожается преданностью и покорностью, ибо не одно и то же, отказываюсь ли я от прежнего образа действий потому, что он не приводит к цели и я, следовательно, схожу с ложного пути, или же я сам отдаюсь в плен. Скалу, преграждающую мне путь, я обхожу до тех пор, пока у меня не наберется достаточно пороха, чтобы взорвать ее; законы данного народа я обхожу до тех пор, пока не соберусь с силами, чтобы уничтожить их. Если я не в силах завладеть луной, то разве это значит, что она должна стать для меня чем-то «святым», что я должен видеть в ней Астарту? Только бы мне добраться до тебя, я бы тогда тебя схватил, и, если я найду способ подняться к тебе, я тебя не испугаюсь! Ты останешься для меня лишь до тех пор непонятной, пока я не приобрету достаточную силу разума, чтобы овладеть тобой, присвоить тебя себе, назвать своей собственной: я не откажусь от себя ради тебя, я только обожду свой срок. Если я теперь ничего не могу поделать с тобой, то я припомню тебе это!

Сильные люди всегда так поступали. Когда «смирненные» провозглашали какую-нибудь неодолимую силу своей повелительницей, поклонялись ей и требовали такого же поклонения от всех других, — тогда появлялся вдруг такой непокорный сын природы и низвергал боготворимую власть с ее недостижимо высокого Олимпа. Он приказывал движущемуся солнцу остановиться, а земле непрестанно вращаться, «покорным» приходилось с этим мириться; он срубал священные дубы, а «покорные» дивились тому, что небесный огонь не пожирает его; он низвергал Папу с трона Петра, а «покорные» не знали, как воспротивиться этому; он разрушает весь строй, основанный на «Божьей милости», а «покорные» только охают и наконец умолкают.

Моя свобода становится только тогда совершенной, когда она обращается во власть, и тогда я перестаю быть только свободным и становлюсь собственным. Почему свобода народов «пустой звук»? Потому что народы не имеют власти! Одним дуновением живого Я

человек считает целые народы,— все равно, будет ли это дуновение какого-нибудь Нерона, китайского императора или бедного писателя. Почему палаты депутатов тщетно рвутся к свободе и вынуждены выслушивать за это «внушения» министров? Потому что «власть» не в их руках! Власть хорошая вещь и полезная для многого, так как «с горсточкой власти больше преуспеваешь, чем с коробом прав». Вы жаждете свободы? Глупцы! Если бы вы захватили в свои руки власть, свобода пришла бы сама собой. Взгляните, кто имеет власть, тот «стоит над законом». По вкусу ли вам это, господа законопочитатели, «законники»? Но ведь у вас нет вкуса!

Громко раздаются отовсюду крики о «свободе». Но разве чувствуют и знают, что означает дарованная, предоставленная из милости свобода? Не понимают люди всего смысла того, что всякая свобода, в сущности,- самоосвобождение, то есть что я могу иметь лишь столько свободы, сколько добуду себе благодаря моему своеобразию. Что пользы овцам в том, что никто не ограничивает их свободу слова? Все равно они будут только блеять. Разрешите говорить что угодно человеку, который по своему внутреннему складу магометанин, иудей или христианин,— он все равно будет говорить лишь очень ограниченные вещи. Но если известные люди отнимают у вас свободу слова и свободу слушать, то они прекрасно понимают свою выгоду в данное время, ибо вы можете сказать и услышать нечто такое, от чего они, эти известные люди, утратят всякое значение и всякое влияние.

Если же они все же дают вам свободу, то они плуты, которые дают больше, чем имеют: они не дают вам тогда ничего им принадлежащего, а лишь краденый товар, дают вам вашу собственную свободу, свободу, которую вы сами должны были бы взять себе, и они дают вам ее только для того, чтобы вы ее сами не взяли и прежде всего не притянули к ответственности воров и обманщиков. В своей хитрости они отлично знают, что дарованная свобода все же не есть свобода, ибо только та свобода настоящая, действительная, плывущая на всех парусах, которую сами себе берут, следовательно — свобода эгоиста. «Дарованная» свобода тотчас спускает паруса при всяком шторме и при безветрии, ее нужно постоянно слегка — не слишком сильно — раздувать.

В этом заключается разница между самоосвобождением и эмансипацией (освобождением, отпущением на свободу). Кто в наши дни находится в оппозиции, тот жаждет отпущения на свободу, кричит об этом. Требуют, чтобы государи признали своих подданных «совершеннолетними», то есть дали им самостоятельность (эмансипировали их). Ведите себя как совершеннолетние, и вы будете таковы без всякого признания, если же вы не ведете себя так, то не достойны этого, и никакое признание не сделает вас совершеннолетними. Совершеннолетние греки изгнали своих тиранов, и совершеннолетний сын становится независимым от отца. Если бы эти греки ждали, пока тираны милостиво дадут им свободу, им пришлось бы долго ждать. А сына, который не хочет стать самостоятельным, разумный отец прогоняет из дому и оставляет дом только для себя: поделом дураку.

Человек, которому «даровали» свободу, не что иное как отпущенный на волю крепостной, *libertinus** (Освобожденный (лат.) — Ред.), собака, которая тащит за собою обрывок цепи. Он, несвободный в платье свободного, - точно осел в львиной шкуре. Получившие равноправие евреи нисколько не становятся лучше — они только получают льготы, оставаясь евреями,

при этом, однако, тот, кто улучшает их положение, во всяком случае нечто большее, чем просто христианин-церковник, так как последний не мог бы этого сделать без непоследовательности. Но всякий еврей — уравненный в правах с другими или неуравненный — остается все-таки евреем; так и не освободивший себя сам тоже только признанный свободным (эмансипированный), а не действительно свободный. Протестантское государство может, разумеется, освободить (эмансипировать) католиков, но так как они не освобождают себя сами, то все же остаются только католиками.

О своекорыстии и бескорыстии уже говорилось выше. Любящие свободу восстают против своекорыстия, так как оно в своем религиозном стремлении к свободе не в силах освободить себя, отречься от возвышенного самоотречения. На эгоизм направлен и гнев либералов, ибо ведь эгоист никогда не домогается чего-нибудь по существу, а только ради самого себя, для того чтобы то, чего он жаждет, служило ему. Эгоистично не признавать ни за чем истинной, абсолютной ценности, а напротив, искать ценности всего в себе. К числу самых отталкивающих черт эгоизма часто относят и столь обычное занятие наукой ради заработка: говорят, что это постыдная профанация науки. Однако для чего же существует наука, как не для того, чтобы быть использованной людьми? А если кто-нибудь не умеет использовать ее на что-нибудь лучшее, чем добывание для себя средств к жизни, то эгоизм его, мелочный, так как сила такого эгоиста ограничена, но порицать его эгоистичность, говорить о профанации науки может только одержимый.

Так как христианство не могло признавать единичного единственным, а мыслило его как зависимого, и так как, собственно говоря, оно было лишь социальным учением — учением о сожитии и общении, а именно об общении человека с Богом, человека с человеком, то оно должно было прийти к совершенному отрицанию всего «своеобразного»: своекорыстия, своеволия, своенравия, самобытности, себялюбия и т. д.

Христианское мировоззрение постепенно вообще переименовало все честные слова в бесчестные: так почему же нам теперь не восстановить честный смысл бесчестных слов? Так, по-немецки слово «Schimpf» (позор) в старину обозначало шутку, но для христианского ригоризма все удовольствия превратились в лишения, ибо он не понимает шуток; слово «Frech» (дерзость) означало прежде только «храбрый», «Frevel» (святотатство) означало только отвагу. Известно, как долго недолюбливали слово «разум».

Наш язык весьма приноровился к христианской точке зрения, и всеобщее сознание еще слишком христианское для того, чтобы не пугаться всего нехристианского, как чего-то несовершенного и злого. Вот почему в таком презрении у нас «своекорыстие».

Своекорыстие в христианском смысле означает приблизительно следующее: я забочусь о том, полезно ли что-либо мне как чувственному человеку. Но разве в чувственности все мое своеобразие? Разве я следую своему собственному, настоящему назначению, когда отдаюсь во власть чувственного? Я принадлежу себе только тогда, когда не нахожусь во власти чувственности, так же как во власти чего-либо другого (Бога, человека, начальства, закона, государства, церкви и т. д.), а сам овладеваю собою. То, что полезно мне, самобытному или самому себе принадлежащему, того и домогается мое своекорыстие.

Впрочем, нам приходится ежеминутно верить в столь опороченное своекорыстие, как победная сила. На заседании 10 февраля 1844 года Велькер [53] внес предложение о независимости судей и доказывал в пространной речи, что судьи, которых можно отрешить от должности, переместить и уволить в отставку, и вообще члены суда, которых администрация может «сократить и подтянуть», не могут пользоваться доверием, утратят общее уважение. «Все судейское сословие,— воскликнул Велькер,— деморализуется подобной зависимостью! Это значит, что судьи признают для себя более выгодным постановлять судебные приговоры в духе министерства, чем в духе истинной законности. Как же бороться с этим? Не убеждать ли судей в том, что их продажность позорна, и потом надеяться, что они устыдятся и станут ставить интересы правосудия выше собственной корысти? Нет, на такую романтическую доверчивость народ не способен, ибо он чувствует, что своекорыстие сильнее всякого иного побуждения. Пусть поэтому остаются судьями те же люди, что и прежде, хотя мы вполне убедились, что они поступали, как эгоисты; не следует только в дальнейшем поощрять их своекорыстие продачностью правосудия. Судьи должны быть настолько независимы от правительства, чтобы они могли постановлять правильные приговоры, не нарушая этим своих личных разумно-понятых интересов, получая хорошее содержание и пользуясь уважением граждан».

Итак, Велькер и баденские граждане сочтут себя только тогда в безопасности, когда смогут рассчитывать на своекорыстие. Что же сказать о бесчисленном множестве фраз о бескорыстии, которые постоянно раздаются из их уст?

К делу, которое я выполняю своекорыстно, я отношусь иначе, чем к тому, которому я служу бескорыстно. Можно установить следующий отличительный знак: против первого я могу погрешить или совершить грех, а против второго я могу лишь поступать нерадиво, отталкивать от себя, лишать себя его, то есть могу поступать неблагоразумно. С обеих точек зрения рассматривается и свобода торговли: ее признают частью такой свободой, которая в зависимости от обстоятельств может быть дарована или отнята, частью такой, которая при всяких обстоятельствах должна считаться святыней.

Если я интересуюсь чем-нибудь не самим по себе и домогаюсь этого не ради его самого, то оно мне нужно исключительно своей целесообразностью, полезностью, то есть ради какой-нибудь другой цели, например, устрицы привлекают меня своим вкусом. Так не должно ли все быть для эгоиста средством, конечная цель которого — он сам, и должен ли он защищать и поддерживать то, что ему совершенно не нужно, например, должен ли пролетарий поддерживать государство?

Своеобразие обнимает собою все самобытное и восстанавливает доброе имя всего того, что опорочено христианством. Но своеобразие не пользуется никаким посторонним масштабом и вообще оно не есть идея вроде свободы, нравственности, человечности и т. д. Оно только описание — собственника.